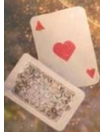

ЭВА МОРЕЙ

КАК ВЫЛЕТЕТЬ
С ОТБОРА И
НЕ ВЛЮБИТЬСЯ

Эва Морей

Как вылететь с отбора и не влюбиться

<https://litres.ru/74331699>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я мечтала об ипотеке, а получила герцога.

Холодного, невыносимо внимательного и абсолютно уверенного в своей неотразимости. И приглашение на Отбор, от которого нельзя отказаться.

Ну и ладно. Раз уж я здесь - вылечу с позором. Быстро, красиво, без сожалений. План идеален. Одна проблема: чем больше я стараюсь его взбесить, тем внимательнее он на меня смотрит. А герцог, который перестал притворяться равнодушным - это уже совсем другая история.

Домой хочу. Но почему-то всё меньше.

Содержание

Глава 1. В которой я почти устроила себе идеальную жизнь.	4
Глава 2. В которой я просыпаюсь богатой, любимой и подозрительно счастливой.	11
Глава 3. В которой герцог оказывается ближе, чем хотелось бы.	19
Глава 4. В которой карета увозит меня всё дальше от богатой и беззаботной жизни.	27
Глава 5. В которой я совершаю стратегическую ошибку, а потом ещё одну – уже на бегу	34
Глава 6. В которой мое рвение трактуют превратно.	42
Глава 7. В которой я начинаю всерьез продумывать свою стратегию и познаю все тяготы подготовки к балам.	48
Глава 8. В которой я узнаю тайну Иары и стараюсь не выдать себя.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Эва Морей

Как вылететь с отбора и не влюбиться

Глава 1. В которой я почти устроила себе идеальную жизнь.

Если честно, моя жизнь наконец-то начала меня устраивать. Не в смысле «я счастлива», нет. До счастья мне было далеко и, если уж совсем честно, лень. Счастье требует вовлечённости, надежд, ожиданий и регулярной подпитки. А я уже наелась всем этим по самое горло.

Но в смысле – терпимо. Я перекаत्याваю это слово на языке, как конфету с сомнительным вкусом. Не идеально, но жить можно. А для взрослого человека это уже практически победа.

У меня есть своя маленькая квартира в ипотеку, которую я буду выплачивать всю свою жизнь. И, что самое важное, в ней нет тараканов. Этот факт для меня особенно ценен. Предыдущий опыт научил меня, что отсутствие насекомых в раковине по утрам – это не базовая настройка реальности.

Еще из достижений у меня удалённая работа, в которой

нет начальника, любящего присылать голосовые на семь минут с фразой «я тут быстро». После моего впечатляющего карьерного пути, включающего в себя и работу крупье в казино, подобное положение дел ощущается как заслуженный отдых. Дедлайны все равно существуют. Но я сама себе босс. Иногда плохой, иногда ленивый, иногда требовательный – но хотя бы предсказуемый.

А самое важное мое достижение это, пожалуй, чётко выстроенная внутренняя философия, отточенная годами проб и ошибок: не ввязываться, не усложнять, не спасать никого, кроме себя.

Последний пункт дался особенно мне особенно дорого. Через боль и потери. Через неловкие разговоры, после которых выходишь на улицу и долго идёшь, не включая музыку, потому что и так слишком громко внутри. И, конечно, через уничтожающее чувство вины, от которого пришлось научиться отмахиваться как от назойливого комара.

Так вот, этот последний закон работает безотказно, являясь настоящим бриллиантом в короне моего спокойного существования.

Утро началось нормально. Кофе был горячий, не пережжённый, не кислый, без привкуса «это официальное восстание зерен против вкусовых сосочков». Кружка целая, без трещин, от которых течёт по пальцам, с любимым милым котиком. Интернет работает стабильно, без скачков и внезапных «нет сети», которые выбивают из колеи сильнее, чем хо-

чется признавать.

Я сижу на подоконнике, подтянув колени, болтаю ногой и смотрю на двор. Там кто-то выгуливает собаку, кто-то ругается по телефону, кто-то просто идет по своим делам, и все они – не я. Это особенно радует. В голову приходит старый мем «нет ничего лучше, чем сидеть на подоконнике, пить кофе и думать о нем». Никакого «его» в моей голове, конечно же нет, но кофе и подоконник все равно занятия достойные уважения.

В свои тридцать три я готова гордо именовать себя женщиной, свободной от таких условностей как поиск партнера. Seriously, я пыталась. Не срослось. Ни с одним из мужчин в своей жизни, мне не удалось мирно сосуществовать. Кому-то не нравилась я, кто-то не нравился мне, кто-то переставал нравится в процессе. По-разному бывало: от непроходимой скуки и бессмысленности, до бразильских драм «я не знал, что мы встречаемся, не думал, что ты воспринимаешь все так серьезно». Так что я сознательно закрыла для себя эту сторону жизни. У всех тикающих часиков повинылась батарейки, а на редкие улыбки малознакомых мужчин просто не реагировала.

Но вместо «него» в моей голове была другая греющая душу цель: отпуск. Я прикидываю, что если работа пойдет так же бойко, я наконец смогу съездить отдохнуть. Еще пару рукописей отредактировать и можно сделать недельную паузу. Отправляюсь на моря, лягу там и буду лежать. По губам рас-

ползается довольная улыбка. Никаких экскурсий и ранних подъемов. Никакой уборки и готовки. Просто лежать под шум прибоя и чтобы никто не трогал. Идеально.

Телефон пискнул. Я даже не вздрогнула – настолько глубокое чувство спокойствия снизошло на меня. Сообщение от мамы. Я посмотрела на экран, замечая начало сообщения на экранчике «Мариночка, как ты? К нам заходил сын соседки...». Я вздохнула и повернула телефон экраном вниз. Ни смотря на то, что я вычеркнула любовные интересы из своей жизни, мама до сих пор не теряла надежду. При молчаливом одобрении папы. Ну и ладно, открывать сообщение я конечно не буду. Может ближе к вечеру.

Я сделала глоток кофе, обожглась, выругалась сквозь зубы и неожиданно снова улыбнулась. Кажется все на своих местах и моя легкая неловкость тоже на месте.

Работа шла фоном. Я что-то писала, что-то редактировала, механически отвечала клиентам, ставила галочки, закрывала вкладки. Руки работали автоматически, мозг вполсилы. Освободившаяся часть думала о более важных вещах.

Сегодня я заканчивала работу с фэнтези романом о попаданке в другой мир. Моей задачей было отредактировать его литературно и вычитать. Обычное, нормальное произведение, но вызывало у меня множество мыслей. Например, о том, что если бы правда существовали другие миры, я бы туда не полезла. Серьёзно.

Все эти истории из серии «она попала в другой мир и ста-

ла королевой» вызывали у меня стойкое недоверие. В любом мире есть налоги, правила и мужчины со своими проблемами, только и ищущие свободные плечи, на которые их можно взвалить. Меняются только декорации и иногда уровень гигиены. Но суть остаётся прежней.

Если уж фантазировать, то на максимум. С моей точки зрения – переродиться дочерью богатых родителей самая лучшая идея. Лучше безобразно богатых. С кучей симпатичных людей вокруг, которые ничего от меня не хотят, кроме того, чтобы я была приятным собеседником. Никто не умирает у меня на руках. Никто не смотрит с надеждой и словами «ты – единственная, кто может что-то там». Никто не требует решений, от которых зависит судьба государства.

Фантазия была настолько приятной, что я даже прикрыла глаза, позволив себе пару секунд внутренней тишины. И в этот момент меня как будто толкнули. По ощущения как когда во сне оступаешься и дёргаешься всем телом. Я распахнула глаза, сердце ударило сильнее, кофе плеснулся через край и оставил тёмное пятно на столе рядом с ноутбуком.

— Что за... — сказала я вслух и поставила кружку, чтобы не уронить.

Голова закружилась. Не так, чтобы упасть, но достаточно, чтобы насторожиться. Я нахмурилась, встала, опёрлась ладонью о стену. Мир качнулся, будто я резко прокатилась на лифте вниз – на секунду, но ощутимо. Меня обдало холодным потом.

— Спокойно, — сказала я себе. — Давление. Недосып. Кофе натошак. Я еще не в том возрасте, чтобы падать в обморок от всякой ерунды.

Я сделала пару шагов, но пол под ногами стал странным. Не то чтобы скользким, будто чужим. Как будто я ступала не туда, куда привыкла, и тело запаздывало на долю секунды. Вдруг я услышала глухой протяжный звук.

Я остановилась. В этот момент пространство вокруг начало собираться. Как ткань, которую тянут в разные стороны, а она сопротивляется. В ушах зазвенело. Воздух стал плотным, вязким, и я вдруг отчётливо, до паники ясно поняла: мне очень, очень не нравится происходящее. Перед глазами заплясали звездочки.

— Так, нет, — сказала я, потому что сказать «нет» - мой рефлекс. Но голос прозвучал глухо, будто я говорила из-под воды.

Пол медленно ушел из-под ног. Как если бы меня аккуратно, без спроса, вытаскивали из моей реальности, не утруждая себя объяснениями. Внутри поднялось злое, вязкое возмущение. Я же не соглашалась. Это была последняя связная мысль.

Потом пришло странное тепло. Чужое. Как будто кто-то взял меня за руку – как берут вещь, которую считают своей. Собственнически. И мир, который я так старательно делала терпимым, без лишних ожиданий, без иллюзий, без надежд, просто перестал существовать.

Глава 2. В которой я просыпаюсь богатой, любимой и подозрительно счастливой.

Первое, что я поняла – я всё ещё жива. Второе – это не моя кровать. Мысль приходит не сразу. Сначала я замечаю ощущения. Все мое тело будто покоится на мягком облачке. Расслабляющая мягкость буквально обнимает меня со всех сторон.

Я лежу, не открывая глаз, и медленно провожу пальцами по простыне. Ткань скользит под кожей, как вода. С этой простыней не в порядке буквально все. Она явно слишком дорогая для того, чтобы быть моей. Я осторожно вдыхаю. Пахнет... не порошком «по акции». И не кондиционером с обещанием «альпийская свежесть». Чем-то тонким, цветочным. У меня дома так не пахло, я вообще не фанат цветочных ароматов.

Уже очевидно, что происходит нечто крайне дурное. Замираю, стараясь даже дышать через раз. Появляется безумная надежда: если не двигаться, есть шанс, что всё это сон. Или какой-то изобретательный психоз, который я поймала от передозировки кофеина. Главное не вовлекаться в это безумие и не смотреть по сторонам.

Я зажмуриваюсь и очень медленно считаю до пяти. Пото-

лок остается на месте, все так же подавляя меня своими вензелями и белым великолепием. Он, кажется, даже стал ещё более уверенным в своём существовании.

— Ладно, — бормочу я. — Попытка не засчитана.

Снова закрываю глаза и зажимаюсь изо всех сил. Так, будто пытаюсь продавить веки внутрь черепа и вернуться обратно в ипотеку, котика на кружке и недопитый кофе.

Когда я снова открываю глаза, реальность остается на месте. Более того, она начинает нагнать. Сквозь плотные шторы пробивается утренний свет, где-то тихо звякнула посуда, а за стеной кто-то засмеялся легким довольным женским смехом.

Осторожно приподнимаюсь на локтях. Кровать... огромная. Такая, на которой можно потеряться, если не соблюдать осторожность. Одеяло тяжёлое, но не давит. Подушки мягкие, но держат форму. Всё вокруг ощущается так, будто это не просто удобно, а специально сделано, чтобы тебе было удобно.

Я сажусь и замираю. Сначала не понимаю в чем дело, но потом до меня доходит. Ничего не тянет, не ноет, не болит. В свои тридцать три благодаря сидячей работе, я уже привыкла к ноющей боли в пояснице и шее. А сейчас – ничего. Я осторожно двигаю плечами, медленно поворачиваю голову вправо и влево. Никаких неприятных ощущений.

Меня кидает в холодный пот. Это уже совсем никуда не годится. Я медленно поднимаю руку и провожу пальцами по

волосам. И застываю. Ожидаемо, но все же неприятно – на моей голове чужие волосы. По ощущениям они мало отличаются от элитных простыней, на которых я восседаю. Густые и длинные, волосы ниспадают волнами на мои плечи. Я хватаю одну прядь, сжимаю ее в кулаке и тяну вниз.

Вспышка боли, подсказывает мне что происходящее реально. И хватит уже пытаться оторвать себе скальп. Сердце начинает биться быстрее, я буквально чувствую, как оно ударяется о ребра, пытаюсь пробить их насквозь.

— Так, — шепчу срывающимся голосом. — Ладно.

Я оглядываюсь. Комната огромная. С окнами в пол и тяжёлыми шторами цвета топлёного молока. Мебель дорогая и изящная: никакого золота и кричащего бархата, зато каждая деталь выглядит так, что прикасаться без трепета сложно. На туалетном столике стоят флаконы, украшения, коробочки. На кресле живописно брошено роскошное платье лавандового цвета. А на полу, почти кинематографично, лежат туфли.

В воздухе витает сладковатый запах цветов. Похоже, у кого-то вчера был праздник. Может даже и у меня, в каком-то смысле. Я гулко сглатываю, по ощущением эхо разносится на всю комнату.

Я встаю и подхожу к зеркалу. Из зеркала на меня смотрит девушка лет двадцати. Очень похожая на меня, только заметно более улучшенная версия. Глаза знакомого серо-зеленого цвета, но больше, глубже и выразительнее. Кожа ров-

ная и светлая, с теплым оттенком, абсолютно без изъянов — такого в моей жизни не было с тринадцати лет. И, конечно, волосы. Те самые, о которых я только мечтала: густые, тяжёлые, с естественной мягкой волной. Без лишнего кокетства — девушка в отражении красавица. Я машинально касаюсь лица, отражение повторяет за мной.

— Это уже перебор, — шепчу я. — Так не бывает.

На шее поблёскивает украшение. Тонкая, изящная цепочка с буквой, которую я с удивлением узнаю. Буква «М». Она не похожа на привычную мне, но я просто знаю, как это читается. Я опускаю взгляд и замечаю на столике вскрытое письмо и букет ярко-сиреневых цветов, уже слегка повядших.

В письме всего одна строчка, выведенная аккуратным почерком:

С днём совершеннолетия, наша радость.

Я замираю. В голове вспыхивают картинки: праздник, много гостей, смех. Я в центре зала. Рядом улыбающаяся пара в возрасте: мужчина в дорогом костюме, с седеющими волосами и невероятно добрым взглядом, и женщина в роскошном платье, с лицом, удивительно похожим на моё. При воспоминании о них в груди становится тепло. Родители Мариэт. Мариэт — это теперь я. И я совершеннолетняя. Ну что ж, ура.

В дверь тихо стучат.

— Миледи? — раздался осторожный голос. — Вы уже проснулись?

Я вздрагиваю и автоматически выпрямляюсь.

— Да, — голос звучит... молодо. Звонко.

Дверь приоткрывается, и в комнату заглядывает девушка в аккуратном темно-синем платье с белым передничком. Нэ-ли — вспыхивает в голове.

— С днём рождения вас ещё раз, миледи, — говорит она с улыбкой. — Госпожа уже спрашивала, не нужно ли вам что-нибудь. Завтрак подать в покои или вы спуститесь?

Госпожа. Мама? Я сглатываю.

— Я... спущусь, — говорю, понимая, что в нормальном распорядке дня Мариэт спустилась бы без сомнений. — Чуть позже.

— Как пожелаете, — девушка склоняет голову и исчезает.

Я снова остаюсь одна. Сердце колотится где-то в горле. Но сквозь панику вдруг пробивается что-то ещё — неожиданное и очень теплое чувство. Радость. Мне не нужно садиться за работу. Не нужно отвечать клиентам. Не нужно ничего никому доказывать. Здесь... меня ждут и любят. Просто так. Я медленно выдыхаю.

— Ладно, — говорю своему отражению. — Допустим, это сон. Тогда я имею право наслаждаться.

Я открываю шкаф и надеваю первое попавшееся платье. Оно сидит идеально. Попутно пытаюсь откопать в памяти больше подробностей о том, кто я теперь и где оказалась. Информация приходит со скрипом, но кое-что припомнить уда-

ется. Мариэт Ламан – единственная дочь дипломатов, прибывших в Эстравию много лет назад. Родители – Альбер и Элиза Ламан – души не чают в своей дочери. И стоит сказать, особенных оснований у них для этого нет. Мариэт – обычная богатая бездельница со стандартными интересами молодой девушки.

Я решаю, что пока информации достаточно и уже разворачиваюсь к выходу, но в последний момент замечаю бумажку, выглядывающую из-под подушки. Подхожу ближе и вытаскиваю измятую репродукцию. На ней изображен мужчина невероятной красоты. Изображение в районе губ подозрительно истерто.

— Тц — цокаю языком — Мариэт, да ты шалунья.

У мужчины светлые волосы – почти пепельные, выгоревшие на солнце. Волосы выглядит продуманно небрежно. Лицо тонкое, скульптурное, без намека на мягкость. Высокие скулы, четкая линия челюсти и глаза – светлые, почти стального цвета. Смотрят внимательно, будто насквозь. Он одет в темный камзол с металлическим блеском, украшенный знаками и пуговицами, в которых читается статус. Этот парень выглядит как большая проблема и рок-звезда. Впрочем, кем-то вроде рок-звезды он и является. И, безусловно, именно проблемой Мариэт он и был, хотя она сама так не считала.

Герцог Кайрен де Ранкор – отчаянная страсть каждой девочки и девушки, тайная любовь каждой замужней женщины. Мариэт чаша сия тоже не миновала. Она буквально схо-

дила от него с ума. И когда герцог объявил отбор, пропустить его она не могла. На правах дочки дипломатов, явно и неявно угрожая международным скандалом, она изо всех сил пыталась прорваться в претендентки на руку и сердце холодного красавца. Однако, к моему счастью, получила отказ. Мотивированный несовершеннолетием.

Вся эта история произошла буквально пару дней назад. Так что после своего празднования Мариэт планировала второй штурм. Кайрен, конечно, об этом не в курсе, но ему стоило бы благодарить меня за сохраненные нервы: спецоперация «Срочно прорваться в цирк абсурда» отменяется. Я удовлетворенно улыбаюсь и легкой походкой спускаюсь к завтраку.

Завтрак оказался вовсе не завтраком, а пиршеством. Фрукты, выпечка, горячий шоколад, какие-то невероятные блюда, названий которых я не знаю. Я ем, смеюсь, ловлю на себе ласковые взгляды людей, которые явно считают меня центром своей вселенной.

И, чёрт возьми... мне это нравится.

Родители не замечают каких-либо изменений, а я просто наслаждаюсь вкусной едой, приятной атмосферой и теплой погодой. Полдня пролетают как в тумане. В какой-то момент я даже ловлю себя на мысли, что хочу остаться здесь навсегда. Это же буквально моя фантазия!

Мы с родителями пьем какой-то сок с хитрым названием

и обсуждаем планы на ближайшие дни, когда двери зала распахиваются и входит дворецкий:

— Господин, госпожа, миледи — с достойным поклоном приветствует он нас. — Прибыл лорд де Ранкор. Просит принять.

У меня внутри все обрывается. Альбер тем временем кричит, со сдержанной улыбкой:

— Проводи в малую гостиную — дворецкий с поклоном удаляется, тихо прикрыв за собой дверь.

— Милая, это же так удачно! — всплёскивает руками Элиза. — Может, лорд передумал, и ты все-таки попадешь на отбор!

Мать сияет, явно изо всех сил стараясь подбодрить дочь. А у меня в голове лихорадочно бьётся только одна мысль: это последнее, что мне сейчас нужно. И не дай бог такого счастья.

Всё, что я могу из себя выдавить — кислая улыбочка.

Глава 3. В которой герцог оказывается ближе, чем хотелось бы.

Мы входим в малую гостиную, и он уже там. Сидит так, словно это его дом. Не развалившись — нет, слишком воспитан для этого, — с тем особым спокойствием человека, который привык, что пространство подстраивается под него само. Тёмный камзол подчёркивает фигуру, светлые волосы убраны назад.

Герцог Кайрен де Ранкор поднимается нам на встречу, как только мы переступаем порог.

— Господин Ламан, — он склоняет голову перед отцом.
— Госпожа Ламан, леди Мариэт.

Голос ровный, холодный, без лишних интонаций. Такой, каким говорят с равными. Или с теми, кого признают таковыми. Я делаю шаг вперёд последней.

Он быстро скользит взглядом по мне, абсолютно без интереса. Я чувствую это физически: как прохладный ветер, который едва касается кожи и тут же проходит мимо. Герцог слегка касается руки моей матери губами в церемониальном поцелуе, я протягиваю свою руку.

Жест привычный, мое тело совершает его автоматически, я даже не успеваю сообразить, что я делаю. Он обозначает

поцелуй и на моих пальцах, я рефлекторно отворачиваю голову в сторону. Меня раздражает эта сцена – незнакомый и ненужный мне мужчина зачем-то нарушает мои телесные границы и мне приходится это терпеть. Я чуть отворачиваю голову в сторону, почти рефлекторно. Краем глаза я замечаю небольшую заминку. Когда я поднимаю взгляд, он уже смотрит на меня иначе. Не открыто, не пристально – но внимательнее, чем секунду назад. Потом отпускает руку. И снова отстраняется.

Мы рассаживаемся. Родители – напротив него, я – сбоку. Позиция меня полностью устраивает: можно почти не участвовать в разговоре и спокойно рассматривать сад за окном, если всё пойдёт по плану.

— Я позволил себе нанести визит лично, — говорит герцог спустя пару вежливых фраз, — чтобы поздравить леди Мариэт с совершеннолетием.

Он делает знак, и слуга подаёт бархатную шкатулку. Я открываю её. Внутри переливается камнями колье. По виду явно тонкая работа и очень дорогая вещь. Я смотрю на подарок без эмоций. Ни восторга, ни желания немедленно примерить, мне даже делать благодарный вид не хочется. Никогда не питала особо восторга к украшениям, в отличие от Мариэт.

— Благодарю вас, милорд, — говорю я ровно.

И только тогда замечаю, что он снова смотрит прямо на меня. Неприятным, изучающим взглядом. Будто он пытается

что-то уловить — не в словах, а где-то глубже. И, что самое неприятное, его явно интересует именно моя реакция. Или её отсутствие.

— Также, — продолжает он, — я счёл необходимым принести личные извинения.

Мать тут же напрягается, отец сохраняет вежливую невозмутимость.

— Речь идёт об отборе, — говорит Кайрен. — Мне известно, что леди Мариэт выражала желание принять в нём участие.

Я едва удерживаюсь от саркастичного хмыканья. Выражала — это очень мягкая формулировка.

— К сожалению, правила отбора не допускают исключений, — он переводит взгляд на родителей, но ощущение, что говорит он всё равно со мной, никуда не девается. — На тот момент леди не достигла совершеннолетия. Сейчас же... — лёгкая пауза, — все кандидатки уже утверждены.

Я киваю, чтобы быстрее закрыть тему.

— Я понимаю, — говорю я. И это правда.

Я не разыгрываю обиду. Не собираюсь спорить. Мне это не нужно. И, судя по едва заметному изменению в его лице, он ожидал другого.

— Мы не держим зла, — вмешивается отец с дипломатической улыбкой. — Всё в порядке, Ваша Светлость.

— Разумеется, — добавляет мать. — Главное, что вы нашли время лично поздравить нашу дочь.

Кайрен склоняет голову.

— Тогда, с вашего позволения...

Мать поворачивается ко мне:

— Мариэт, проводи лорда Кайрена.

Я на мгновение замираю – это последнее, чего мне сейчас хочется. Потом киваю, стараясь сохранить лицо спокойным.

— Конечно.

Я беру с собой Нэли почти автоматически. В голове всплывает воспоминание, что незамужней девушке не следует оставаться наедине с молодым мужчиной. Служанка держится на шаг позади, как и положено.

Прекрасным конвоем для герцога мы выплываем в сад. Я старательно смотрю прямо перед собой, изо всех сил шагая не слишком быстро, но достаточно стремительно. Солнце пробивается сквозь листву, дорожки посыпаны светлым гравием, где-то журчит вода.

— У вас красивый сад, — говорит он.

— Родители любят растения, — отвечаю я, не поворачивая головы.

— Вы тоже?

Я пожимаю плечами.

— Наверное.

Он задаёт ещё пару вопросов, в основном о прошедшем празднике. Я отвечаю вежливо, коротко, не вдаваясь в подробности. Почти не смотрю на него. И всё равно чувствую взгляд. С каждой моей фразой, он становится все более со-

средоточенным. Но мне плевать. Моя единственная цель — довести этого ловеласа до выхода из сада и помахать ручкой, растворяясь в своей новой роскошной жизни.

Мы уже почти доходим до заветного выхода, когда герцог вдруг замедляется. Я по инерции делаю ещё шаг, прежде чем понимаю, что он больше не идёт рядом. Приходится остановиться тоже.

— Миледи, — произносит он спокойно.

Я оборачиваюсь. Он стоит чуть в стороне от дорожки, в тени раскидистого дерева, и в этот момент кажется ещё более отстранённым и холодным, чем в гостинной.

— Да, милорд?

— У меня есть небольшая просьба, — говорит он. — И прошу не воспринимать ее превратно.

Вот теперь я напрягаюсь по-настоящему.

— Слушаю.

Он делает паузу. Достает из внутреннего кармана небольшой предмет и раскрывает ладонь. На его ладони лежит камень. Крупный, гладкий, насыщенного тёмно-красного цвета, будто в нём застыла капля густого вина. Внутри камня что-то едва заметно переливается, как будто внутри двигается тягучая темно-красная жидкость.

Я не могу оторвать взгляд от камня.

— Это артефакт, — говорит Кайрен ровно. — Если вы позволите, я хотел бы, чтобы вы коснулись его. Всего на мгновение.

Я резко поднимаю на него глаза. Пытаюсь понять по его лицу, чего именно он ожидает. И не обнаруживаю ничего кроме его сосредоточенного, испытывающего взгляда. Меня медленно затапливает тревога. Это все мало походит на рядовую ситуацию «проводи дорогого гостя до ворот».

— Зачем? — спрашиваю я прямо.

— Мне любопытно, — выражение его лица не меняется ни на секунду. — И, полагаю, вам тоже.

Я в себе не чувствую ни грамма любопытства, откровенно говоря. Только полное непонимание, что тут происходит. Ни одного стоящего воспоминания из головы Мариэт не удастся выловить. Не знаю могу ли я отказать ему, учитывая его статус. Выглядит так, что выбора у меня особо нет.

Я смотрю на камень. Потом на его руку. Потом снова на камень.

— Это ни к чему меня не обязывает? — уточняю я, будто ответ может что-то изменить.

— Ни к чему, — отвечает он сразу.

Я делаю шаг ближе. Ни смотря на всю тревогу и неловкость, которые я испытываю, камень начинает казаться мне притягательным. Будто что-то у меня внутри отзывается на него. Появляется слабое желание дотронуться. Хотя секунду назад его не было.

— Хорошо, — говорю я наконец и протягиваю руку, касаясь камня кончиками пальцев.

Мир взрывается светом. Камень вспыхивает резко, ослеп-

ляюще, будто в нём зажгли маленькое солнце. Я инстинктивно отдёргиваю руку, сердце ухает куда-то вниз, в ушах звенит.

— Что это было?! — выдыхаю я, пытаюсь поймать равновесие.

Свет гаснет так же резко, как появился. Я моргаю, пытаюсь прийти в себя. Кайрен уже убрал артефакт в карман. Его лицо все еще выражает абсолютно спокойное. Этот парень был бы лучшим в мире игроком в покер.

— Прошу прощения, — говорит он негромко. — Я не ожидал такой реакции.

— Вы меня напугали, — говорю я, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Я вижу, — отвечает он. И добавляет чуть мягче: — Мне жаль.

Он склоняет голову в выверенном формальном жесте.

— Я не стану вас больше задерживать, миледи. До встречи.

Он делает шаг назад. Разворачивается и уходит, не давая мне возможности задать ни одного вопроса. Я остаюсь стоять на дорожке. Меня вновь обволакивает умиротворяющая тишина сада вокруг. Но внутри никакого умиротворения я не ощущаю. Строго наоборот – у меня настойчивое чувство, что произошло нечто очень важное. И очень-очень неправильное.

Гонец приносит письмо уже после ужина.

Оставшийся день проходит в приятном знакомом ритме, но напряжение внутри так и не покидает меня. Вспышка красного света все еще стоит перед глазами. Я как раз собираюсь лечь спать, когда Нэли появляется в дверях с выражением лица, которое никак не сочетается с «обычным вечером».

— Миледи... для вас послание. — она протягивает мне конверт с красной восковой печатью.

В восковой кляксе я с ужасом узнаю герцогскую печать. У меня внутри все неприятно сжимается. Я медленно вскрываю письмо и с ужасом вчитываюсь в строки.

«Леди, Мариэт Ламан.

Прошу вас явиться на отбор в родовое поместье де Ранкор.

*Крайний срок прибытия – завтра во второй половине дня.
Кайрен де Ранкор»*

Я перечитываю письмо один раз. Два. Три. Строки не меняются, как до этого не желала меняться потолок. Удивительно упрямая реальность. Удивительно болезненная.

— Ну конечно, — бормочу я себе под нос. — Не жили хорошо, нечего и начинать.

Глава 4. В которой карета увозит меня всё дальше от богатой и беззаботной жизни.

Карета мягко покачивается, медленно унося меня вдаль от любящей, хоть и чужой семьи. Ход настолько плавный, что хочется высунуться в окно и попросить кучера свернуть на дорогу похуже – просто чтобы окружающая реальность хоть немного соответствовала моему внутреннему состоянию.

Я упрямо смотрю в стекло. За ним медленно проплывают поля, перелески и аккуратно подстриженные живые изгороди. Пейзаж выглядит спокойным, благополучным и удивительно равнодушным. Как будто я не еду на отбор невест мужчины, который ещё вчера напугал меня до дрожи в пальцах, а всего лишь направляюсь в гости к дальним родственникам с сомнительным чувством юмора.

Напротив сидит Нэли. Она сложила руки на коленях, выпрямилась и изо всех сил старается выглядеть спокойной. Актёрская игра на уровне. На моём уровне. Она то и дело косится на меня, будто проверяя, не выросла ли у меня третья рука или ещё какая-нибудь подозрительная деталь. Моё поведение сегодня определённо внушило ей сомнения. Но, к счастью, она пока не разобралась что происходит. И, наде-

юсь, не разберётся.

После прочтения письма, мне больше всего хотелось просто сбежать. Но в каком направлении двигаться я не определилась, поэтому сдалась на милость бурной реки жизни, которая вынесла меня напрямиком к сборам на отбор. Было шумно и суматошно. Участвовать снова в подобном я отказываюсь. Да я и в первый раз не очень-то хотелось.

В тот самый момент, когда я показала родителям письмо с герцогской печатью, реальность окончательно утратила остатки сдержанности. Мама сначала побледнела, потом села, потом снова встала — и всё это за минуту. Отец прочёл письмо дважды, аккуратно сложил и сказал ровно:

— Птичка моя, поздравляю — он внимательно посмотрел на меня своими добрыми глазами — но что-то я не вижу радости.

Я лишь растерянно пожала плечами. Оригинальная Мариэт, несомненно, визжала бы от счастья и прыгала до потолка. Я же испытывала только растерянность с привкусом негодования. Зато у леди Элизы Ламер лицо буквально светилось. Она практически хлопала в ладоши.

— Я просто... — замялась я, пытаюсь подобрать слова — не уверена, что это именно то, что нужно молодой леди.

— Несказанно рад, что ты решила взяться за ум — хмыкнул отец — хоть и не совсем понимаю, чем вызваны такие перемены. Но, боюсь, отказаться возможности нет. Сам король заинтересован в продолжении ветки рода да Ранкор. Может

случиться скандал, если мы проигнорируем приглашение.

— Милый! — перебила мама — Мариэт же только вчера исполнилось двадцать. Неужели ты забыл свое совершеннолетие.

Мама сделала небольшую паузу, а потом вдохновенно продолжила:

— Мариэт, это в любом случае чудесная новость! Вы будете прекрасной парой. Все, как ты мечтала!

Мне оставалось только вздохнуть и натянуть на лицо растерянную улыбочку.

Дальше началось то, что я бы назвала «организованным хаосом с элементами восторга». Платья появлялись из ниоткуда. Какие-то из них были явно куплены заранее «на будущее», какие-то – экстренно доставлены. Украшения перекладывались, обсуждались, прикладывались к моему лицу так, будто я была манекеном с очень формальным правом голоса. Впрочем, даже таким правом я особо не пользовалась.

Конечно, я рассказала Элизе о том, что предшествовало приглашению.

— Ты только подумай, — шептала она, сияя так, словно это не отбор, а уже помолвка. — Родовой камень де Ранкор... Мариэт, это же знак!

— Какой именно? — спрашиваю я, не особо надеясь на конкретику.

Мама пожимает плечами – знакомый жест, кажется, у нас это семейное.

— Я не знаю всех тонкостей. Но в этом роду... — она понижает голос, — все браки начинались с такой вспышки. Так говорят. И, если верить слухам, браки там удивительно гармоничные.

Дальше я решила не расспрашивать. Меня намного больше волнует как соскочить с этой карусели безумия.

Карета слегка подпрыгивает на камнях, и я возвращаюсь в настоящее. Мы подъезжаем.

Родовое поместье де Ранкор появляется не сразу – сначала я вижу ворота. Высокие, кованые, без излишеств, но всем своим видом явно подчеркивающие эксклюзивность доступа на территорию. За воротами простирается дорога, ведущая к основному зданию. Камень здания тёмный, архитектура строгая, выверенная, лишённая вензелей и избыточно-го декора. Никакого кокетства. Только статус и холодное достоинство.

Нас встречают быстро и без лишних слов. Всё организовано так, будто моё прибытие давно внесено в список, подчеркнуто и отмечено галочкой. Навстречу выходит сухошавая дама в наглухо закрытом темно-синем платье.

— Добро пожаловать в резиденцию Вальдекор. Меня зовут Ровелла Верон. Я распорядительница этого отбора. И рада приветствовать вас в рядах невест.

Я выполняю необходимый реверанс и старательно улыбаюсь. Нэли делает шаг за мной и тут же останавливается от

оклика распорядительницы.

— Сопровождающие остаются за пределами отбора, — спокойно сообщает Ровелла. — Каждой участнице предоставляется личный помощник и штат прислуги.

Нэли бледнеет. Я открываю рот и тут же закрываю его. С одной стороны, иметь рядом знакомого человека на чужой территории было бы полезно. С другой – чем дальше Нэли будет от меня, тем меньше странностей она заметит. Так что у меня нет возражений.

Нас разделяют быстро и вежливо. Меня провожают в покой – комната просторная и светлая. И абсолютно обезличенная. Словно ее проектировали специально для подобных случаев: принимать незнакомых девиц, соревнующихся за руку и сердце наследника древнего рода. Судя по всему, де Ранкоры давно практикуют подобные забавы.

— Приветственный день уже состоялся, — сообщает мне мужчина в строгом костюме, появляясь у двери. — Сегодня вечером состоится первое испытание и торжественное открытие.

Я киваю, он от меня другого и не ждал.

— А пока, — продолжает он, — вам представят вашего личного помощника.

В дверь почти сразу же входит человек, и я понимаю: вот оно. Судьба решила добавить в этот хаос щепотку веселья. Мужчина худощав, безупречно одет, с манерами, отточенными до блеска, и улыбкой человека, который уже мыслен-

но стоит за моей спиной в статусе «приближённый к победительнице». Тёмный костюм сидит на нём идеально, но внимание привлекают детали: идеально выглаженные манжеты, шейный платок кричащего желтого цвета, трость, которая явно ему не нужна, и едва уловимый аромат дорогого одеколона.

— Леонард, — представляется он с достойным поклоном.
— Я буду сопровождать вас на протяжении всего отбора.

Он смотрит на меня так, будто я его самый перспективный проект.

— В мои обязанности входит ваш внешний вид, расписание, репутация... — он понижает голос, — и, разумеется, помощь в достижении успеха.

— Я не планирую побеждать, — говорю я честно.

Леонард взмахивает рукой, как будто отмахиваясь от пролетевшей мухи.

— Леди, Мариэт, вы очаровательная шутница! — он заговорщицки наклоняется ко мне, слегка подмигивая — Сердце лорда Кайрена будет вашим. Ставлю свою коллекцию шейных платков.

Я растерянно хлопаю глазами, а Леонард, полностью довольный собой, покидает покои.

Медленно прохаживаюсь по покоям и чувствую, как внутри нарастает раздражение, стягиваясь в плотный узел. Я отчаянно не хочу быть здесь. Особенно сейчас, когда я наконец могу прикоснуться к своей фантазии. Тем более, мне совер-

шенно непонятно как долго эта самая фантазия продлится.

Я подхожу к окну, смотрю на сад и чувствую, как раздражение превращается в лавину злости.

— Нет, — говорю я тихо. — Давайте без меня.

Мысль оформляется быстро и чётко. Если я хочу выбраться из этого — самый короткий путь решить все на берегу. Не мог же Кайрен изменить свое отношение к Мариэт после одной встречи.

— Отлично, — решаю я. — Я просто пойду к герцогу и скажу, что мне это все не подходит. Не заставит же он меня, в конце концов.

Я решительно разворачиваюсь на каблуках и выхожу за дверь.

Решение кажется мне гениальным ровно до того момента, как я выхожу в коридор и понимаю очевидное. Я не имею ни малейшего представления, где именно находится герцог де Ранкор.

Глава 5. В которой я совершаю стратегическую ошибку, а потом ещё одну – уже на бегу

Резиденция Вальдекор – это не дом, а архитектурное заявление. Коридоры здесь широкие, потолки высокие, двери одинаково внушительные. И просто абсолютно одинаковые. Всё выглядит даже хуже, чем лабиринт из одинаковых кустов. Я начинаю медленно идти вперед. По пути мне попадаются служанки и другая обслуга, никто не обращает на меня внимания. А я и не знаю стоит ли обращать их внимание на себя.

Я останавливаюсь, делаю вид, что просто осматриваюсь, и мысленно прикидываю варианты. Подойти к первому встречному и спросить: «Простите, где у вас тут герцог?» – идея сомнительная. Что-то мне подсказывает, что меня деликатно под локоток заведут обратно и начнут готовить к торжественному открытию соревнований жаждущих любви девиц.

— Леди Мариэт?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Леонард появляется из-за колонны так вовремя, будто его наняли специально для подобных моментов. Он окидывает меня быстрым оценивающим взглядом.

— Вы выглядите так, словно собираетесь выиграть отбор ещё до его начала, — замечает он с живым интересом. — Или проиграть его максимально эффектно. Нам следует начинать готовиться к первому испытанию, леди, а не бродить по коридорам.

— Мне нужно к герцогу, — говорю я и тут же добавляю, прежде чем он успевает задать вопрос: — По личному делу. Леонард приподнимает бровь.

— Личному – это в каком смысле?

Я делаю паузу ровно на секунду. Пытаясь, придумать как бы ответить половчее, чтобы привлечь его на мою сторону.

— В том, который напрямую влияет на мои шансы, — с улыбкой говорю я.

Леонард улыбается мне в ответ с явным одобрением. «Моя девочка» - так и сквозит в его улыбке.

— Прекрасно, — заключает он. — Любые методы, не вредящие репутации, считаются допустимыми. Пойдёмте.

— Вы даже не спросите, что именно я собираюсь ему сказать?

— Леди Мариэт, — он слегка склоняет голову, — моя задача – доставить вас к цели, а не мешать процессу. Если вы собираетесь устроить сцену, я предпочту быть где-то неподалёку.

Мы идём быстро. Слишком быстро, чтобы у меня было время передумать. На одном из поворотов Леонард внезапно останавливается, кивает мне головой на дверь перед нами и

делает шаг в сторону, перекрывая путь мужчине в строгом жилете с папкой под мышкой.

— Ах, господин Корвен! — радостно восклицает он. — Я вас как раз искал. Вопрос по спискам участниц, срочно.

Пока Корвен моргает, Леонард уже разворачивает его в противоположную сторону, увлечённо жестикулируя. Я же, не теряя ни секунды, проскальзываю мимо и оказываюсь перед той самой массивной дверью. Уверенно стучу и не дожидаясь ответа открываю дверь.

Кабинет герцога оказывается именно таким, каким я его и представляла. Просторный, строгий, без излишеств. Большой стол, тёмное дерево, высокие окна. И сам герцог, стоящий у окна, спиной ко входу. Солнце подсвечивает его фигуру, которая так и источает собранность и власть.

— Входить без приглашения здесь не принято, — говорит он спокойно, не оборачиваясь.

— Я знаю, — отвечаю я. — Но если бы я ждала приглашения, мы бы с вами не разговаривали.

Он поворачивается. Кайрен де Ранкор выглядит таким же собранным и спокойным как в нашу первую встречу. Но в это раз его взгляд сразу же устремляется ко мне, с тем неприятным чувством заинтересованности, которое должно быть чувствует лягушка на столе у лаборанта.

— Леди Мариэт, — произносит он ровно. — Неожиданно.

— Разделяю ваше недоумение, — я слегка киваю и делаю небольшой шаг вперед. — Я пришла, чтобы прояснить ситу-

ацию.

Он слегка склоняет голову, приглашая продолжать, и указывает жестом на одно из кресел стоящее перед ним. В этом жесте нет ни раздражения, ни удивления — только холодное любопытство.

— Спасибо, я надеюсь справиться быстро, — отрицательно машу головой. — Ваша Светлость, этот отбор не для меня. Я не хочу участвовать в нём и догадываюсь, что и вы не слишком хотели бы моего присутствия здесь. Не знаю, что повлияло на ваше приглашение. Но я не считаю правильным занимать место, предназначенное для той, кто действительно этого желает.

— Насколько я помню, ранее вы проявляли... настойчивый интерес. — замечает он.

Я сглатываю, но не отвожу взгляд.

— Я понимаю, почему вы так думаете. И понимаю, как это может выглядеть сейчас. — я практически тараторю заготовленный текст, который прокручивала в голове по пути сюда — Но я прошу вас рассматривать меня не как прежнюю Мариэт, а как человека, который несколько пересмотрел свои приоритеты. Я уверена, мы можем договориться как взрослые люди.

Он медленно и немного хищно улыбается.

— Вы пришли просить об исключении?

— Я пришла предложить вам избежать неловкой ситуации, — я стараюсь отвечать спокойно, но голос предатель-

ски дрожит от раздражения. — Прилагать усилия в этом отборе я не буду. Давайте не будем тратить наше время попусту. Уверенна, вокруг вас множество прекрасных девушек, которые готовы отдать всю себя на этом отборе.

Несколько секунд он молчит. Потом отходит от окна и опирается на край стола, вставая прямо передо мной.

— Отбор состоится, — говорит он наконец с мягкой улыбкой. — И вы будете в нём участвовать.

— Я ответственно вас предупреждаю что не буду — попытка провести дипломатичные переговоры провалилась, внутри меня уже все клокочет от злости.

— По крайней мере, — Кайрон наклоняется чуть ближе. — Вы будете присутствовать на моем отборе. А дальше посмотрим.

— Это абсурд! — я почти кричу. Все окончательно показилось по наклонной.

— Это традиция. Для дочери дипломата вы удивительно мало осведомлены — Герцог улыбается, явно упиваясь всей ситуацией.

Я открываю рот не находя, слов для ответа. Пока я тут из кожи вон лезла, этот тип очевидно все уже для себя решил и с места его не сдвинешь. Резко разворачиваюсь на каблучках и устремляюсь к выходу. Но перед тем, как выскочить из этой обители высокомерия и твердолобости, резко разворачиваюсь и тыкаю пальцем в Кайрона:

— Вы еще об этом пожалеете! Вот увидите!

Распахиваю дверь и вылетаю под самодовольный комментарий, летящий мне в спину.

— Жду не дождусь.

Выхожу из кабинета не разбирая дороги. Разговор прошел паршиво. По шкале навыка мирных переговоров ставлю себе единицу. Это не ноль, только потому, что я хотя бы не плеснула ему в лицо бокал с водой. Хотя, видят боги, мне хотелось. Папенька бы был разочарован.

После первого же поворота врезаюсь в кого-то.

— Леди Мариэт! — восклицает знакомый холодный голос. — Мы вас повсюду ищем.

Мадам Ровелла Верон смотрит на меня с выражением человека, который только что нашёл пропавшую крышку от любимой сковородки.

— У меня нет времени, — быстро говорю я. — Я возвращаюсь в покои.

— Боюсь, это невозможно, — она мягко, но неотвратимо берёт меня под локоть. — Торжественное открытие начинается прямо сейчас.

— Я не в состоянии... и не готова.

— Это не имеет значения.

Меня буквально тащат на буксире в огромный зал, залитый светом. Я толком не сопротивляюсь, все еще не веря в происходящее. Учитывая габариты зала, людей в нем немного. Я замечаю несколько аристократов, выстроившихся в дальнем конце зала и кучку девиц разной степени наря-

женности.

Среди аристократов виднеется мужчина в возрасте, один красавчик подозрительно похожий на Кайрона и дородная леди разряженная в пух и прах. В голове вспыхивают воспоминания. Судя всему, я имею счастье лицезреть родного младшего брата Кайрона – Тирена. А также полулегендарную леди Орделлу де Луиз – королевского наблюдателя. Эта дама присутствует на всех отборах в обязательном порядке и поговаривали, что если попасть к ней ближний круг, то победа обеспечена. Мужчина в возрасте был незнаком Мариэт.

Мадам Ровелла подводит меня к праздничной кучке девиц и удаляется в центр зала к огромным золоченым воротам, возвышающимся прямо по центру. Все девицы резко оглядываются на меня оценивающим взглядом и через секунду практически синхронно фыркают и отворачиваются. Мне плевать максимально. Они считают меня недостаточно конкурентоспособной, но я и не собираюсь с ними соревноваться. Наоборот, надо срочно сообразить, как вылететь отсюда не прибегая к насилию и, желательно, не нарушая собственных моральных принципов.

— Мы рады приветствовать вас в резиденции Вальдекор, — голос мадам Верон торжественно разносится по всему залу. — Леди, приглашённые к участию в отборе Его Светлости герцога де Ранкор, сегодня вы стоите на пороге древней традиции. Отбор невест в доме де Ранкор проводится на протяжении нескольких веков и никогда не был формальностью.

Несколько девиц едва заметно выпрямляются.

— Первым испытанием станет прохождение через Врата Невинности, — продолжает распорядительница, делая шаг в сторону, открывая обзор на золочёную конструкцию. — Магический артефакт рода, призванный отделить тех, кто может продолжить путь, от тех, чьё присутствие здесь невозможно.

Она смотрит на нас внимательно, будто пересчитывает. Шестерни в моей голове начинают лихорадочно крутиться. Я ведь не невинна! Это мой шанс.

— Каждая из вас, услышав своё имя, подойдёт к Вратам и пройдёт через них, — продолжает мадам Верон. — Те, чьё испытание будет признано несостоявшимся, покинут резиденцию немедленно. Итак...

Не давая себе ни секунды на раздумья, я делаю резкий шаг вперед. Ловко обхожу девиц передо мной и буквально влезаю во врата. Все, что я успеваю заметить перед вспышкой света, карикатурно удивлённое лицо мадам.

Глава 6. В которой мое рвение трактуют превратно.

Я вылетаю из Врат, как пробка из бутылки, едва не спотыкаясь о подол собственного платья. Только чудом мне удастся сохранить равновесие и свое лицо в более-менее неизменном виде. Воздух взрывает легкие, как после долгого бега. В ушах шумит, в глазах ещё пляшут огненные разводы.

За спиной вспышка, озаряющая весь зал ярким светом. Врата Невинности вспыхивают ослепительно-белым, с золотым отливом, будто молния бьёт прямо в сердце зала. Свет проходит волной, заставляя дородную даму вздрогнуть, а пожилого аристократа прищуриться.

На мгновение повисает плотная тишина. Клянусь, не хватает только звуков сверчков. Я понимаю, что, кажется, испытание я прошла. Это меня расстраивает, но еще больше напрыгают оторопелые лица всех высокопоставленных наблюдателей.

— Леди, — раздаётся сухой, выверенный голос.

Распорядительница отбора уже идёт ко мне, чеканя шаг как заправский кавалерист. Или его максимально дисциплинированная лошадка. Ее лицо больше не выражает ни капли изумления, теперь на нем только холодный профессиональный самоконтроль. Через который, впрочем, проглядывает

раздражение.

Орделла де Луис сверлит меня брезгливым взглядом. Будто я грязная капля на ее белоснежной перчатке. Это крайне неприятно, черт возьми.

— Испытание пройдено, — ровно произносит мадам Ровелла. — Это очевидно.

Она делает паузу, повисающую в воздухе тягостней, чем самые громкие крики.

— Однако протокол был нарушен.

Я сглатываю. Сердце, только что колотившееся от злости и адреналина, теперь неприятно ёкает.

— Участницы подходят к вратам в порядке очереди, после называния своего имени, — продолжает она, не повышая голоса. — Не выбегают. Не демонстрируют подобное рвение.

Последнее слово звучит с нажимом.

— Ваша искренняя горячая влюбленность в герцога похвальна. Тем не менее, подобное поведение недопустимо. Тем более, с учётом статуса вашей семьи и с учетом позиции, на которую вы здесь претендуете. Странно, что вас не научили базовым правилам приличия.

У меня внутри все холодеет. Медленно доходит осознание, что мое поведение здесь ударяет не только по моей собственной репутации. Оно также затронет всю семью Ламан. Этих чудесных теплых людей, которых мне совсем не хочется огорчать.

— Впредь будьте осмотрительнее, — заканчивает она. —

Отбор – не место для порывов и легкомысленных молодых леди.

Я опускаю взгляд, чувствуя, как внутри медленно оседает злость, сменяясь липким стыдом. Щеки горят так, что хочется схватиться за них ладонями.

— Встаньте там, — указывает распорядительница в сторону, — и дождитесь остальных.

Я послушно отхожу, стараясь дышать ровнее. Видимо, стратегию открытого конфликта придется пересмотреть. Немного успокоившись, я поднимаю глаза, чтобы не пропустить происходящее.

Именно тогда я замечаю взгляд Тирена де Ранкора. Младший брат герцога стоит чуть поодаль, скрестив руки на груди. Он внимательно смотрит прямо на меня. С неподдельным интересом. В тот момент, когда наши взгляды встречаются его губы слегка разъезжаются в легкой улыбке. Мне становится не по себе и я быстро отвожу взгляд.

По залу разносится знакомое имя Сюзаны де Луис и к Вратам вызывают следующую участницу. Теперь процедура идёт медленно и торжественно, как и было положено изначально.

Сюзана – дочь Орделлы де Луис буквально излучает ауру непробиваемой уверенности и самодовольства. Конечно ее вызывают первой. На самом деле я полностью понимаю ее самоуверенность. Даже будучи женщиной, не могу оторвать от нее взгляд. Безупречная красавица шатенка с хрупкой фи-

гурой и точеными чертами лица подавляет своей красотой. Она движется так, будто этот зал принадлежит ей по праву — мягкая походка, открытые плечи, взгляд, в котором нет ни тени сомнений.

Врата отзываются ровным, тёплым сиянием. Она с достоинством проходит и останавливается неподалёку от меня, даже не поворачиваясь полностью.

— Какая дикость, — бросает она через плечо, почти сквозь зубы. — Всегда подозревала, что в Альмирене живут дикари. Или это ваша семейная особенность?

Название родной страны Мариэт звучит как плевок. Приехали — теперь я отвечаю за репутации не только лишь семьи, но и всей неизвестной мне страны. Я ничего не отвечаю, просто выдыхаю, продолжая смотреть прямо перед собой.

Всего в отборе участвуют восемь претенденток, включая меня и Сюзану. Все девушки яркие и привлекательные, но каждая по-своему. Особенно выделятся одна из девушек: ее мускулатура намного более развита, а на лице, в отличие от остальных, застыло выражение воинственной решительности. Остальные девушки проходят по-разному. Кто-то спокоен, кто-то явно сильно волнуется. Однако, две девушки не проходят вовсе. Врата не сияют при их приближении, и девушки, побледнев, выбегают прочь, срываясь на плач. Слуги тут же подхватывают их, уводя за другие двери.

Когда всё заканчивается, претендентки рассредоточиваются по задку. Я замечаю, как распорядительница отходит к

Леонарду.

Они говорят слишком тихо, чтобы я могла разобрать слова. Но по выражению его лица ясно – разговор неприятный. Леонард нервно поправляет манжету, наклоняется ближе, потом резко выпрямляется.

Через минуту он уже идёт ко мне.

— Вы... — начинает он и тут же осекается, выдыхает. — Я, признаюсь, восхищён вашей решимостью. Это производит впечатление, — продолжает он, нервно постукивая своей тростью по ноге. — Сильное. И да, подобное рвение иногда... помогает.

Он понижает голос.

— Но вы привлекли слишком много внимания. И не того рода, который мог бы быть нам выгоден. Репутация – хрупкая вещь. Я умоляю вас... будьте осторожнее.

Я киваю. До меня окончательно доходит, что я слишком поторопилась. Этот резвый спринтерский забег мог серьёзно подставить ни в чем не повинных людей. Это слишком неприятно и мне больше всего хочется остаться в одиночестве и подумать немного о происходящем. Я поворачиваюсь к Леонарду, чтобы попросить отвести меня в комнату.

Но в этот момент где-то в глубине зала открываются двери. Кто-то произносит имя герцога. И Кайрен де Ранкор буквально выплывает в зал высокомерным ледоходом, останавливаясь около Врат. Взгляд его льдистых глаз останавливается на мне и на губах начинает играть легкая улыбка.

Глава 7. В которой я начинаю всерьез продумывать свою стратегию и познаю все тяготы подготовки к балам.

Гул в зале постепенно стихает, растворяясь в аккорде девичьих влюблённых вздохов. Кайрен де Ранкор возвышается у Врат во всём своём великолепии. Он не спешит начинать — позволяет нам собраться, оправить юбки, унять дыхание и неровный стук сердец.

Вокруг меня выпрямляются спины и тихонько потрескивают корсеты. Кто-то затаил дыхание, кто-то едва заметно улыбается с алым румянцем смущения на щеках. Кто-то, я уверена, уже мысленно примеряет фамилию де Ранкор.

— Очаровательные леди, — его голос ровный, глубокий, свободно разносится под сводами зала. — Благодарю вас за участие в первом испытании.

Он делает короткую выверенную паузу. Его взгляд медленно скользит по ряду участниц... и останавливается на мне.

— Я счастлив видеть с каким энтузиазмом вы проходите все необходимые испытания. — край его губ слегка дёргается в намёке на улыбку — Мне приятно видеть каждую из вас

на моём отборе.

Его взгляд скользит дальше по ряду девушек, теперь уже спокойно и беспристрастно. Я пытаюсь сдержать раздражённое пыхтение, которое так и рвётся из меня. Камень в мой огород. Без сомнений. Ну ничего, я еще придумаю как тебя достать, высокомерная ледышка.

— Завтра состоится торжественное открытие отбора и первый бал, — продолжает он. — Оставшийся вечер и завтрашний день вы можете посвятить отдыху и подготовке. Прошу вас соблюдать правила резиденции и помнить: вы желанные гости дома де Ранкор.

Он чуть склоняет голову.

— На сегодня всё. С нетерпением жду нашей завтрашней встречи.

Стоит герцогу отступить на шаг, как Сюзана де Луис преображается. Это происходит мгновенно. Словно она набрасывает на себя новую маску. Исчезает надменная красавица, щедро разбрасывающая оскорбления, - на её месте появляется кроткая, почти нежная леди. Она легко и уверенно делает шаг вперёд, будто право на это принадлежит ей по рождению.

— Кайрен, — мягко произносит она. — Рада видеть тебя.

Он отвечает лёгким кивком и короткой фразой – слов я не слышу, но выражение его лица читаю без труда: вежливость, привычная доброжелательность. Фаворитка отбора определена. Я вспоминаю, что Сюзана с детства вхожа в поместье.

Её мать не раз привозила девочку сюда – вероятно, надеясь, что их дружба перерастёт в нечто большее. Ну что ж, пусть так и будет.

— Леди Мариэт, — раздаётся рядом голос Леонарда. — Следуйте за мной, я провожу вас в покои и ознакомлю с завтрашним расписанием.

Леонард уже оправился от репутационных ран, нанесённых моим триумфальным забегом через Врата. Он шагает по коридорам с достоинством, размеренно постукивая тростью по мрамору. Я едва поспеваю следом. Ноги гудят, мысли скачут, в груди ещё тлеет напряжение прожитого дня.

— Завтра бал, — сообщает он, останавливаясь у дверей моих покоев. — Утром к вам придут служанки и портнихи, чтобы подогнать традиционное платье невесты. Разумеется, будут проведены все процедуры – вы должны засиять, как огранённый алмаз.

— Я уже боюсь, — честно признаюсь я.

— О, не стоит! — он отмахивается. — Подготовка к балу – самая приятная часть отбора. И нам непременно нужно обсудить тактику. Конкуренция будет серьёзной.

Я растерянно киваю. Леонард слегка задумывается, прислушиваясь к своим собственным мыслям, затем удовлетворённо кивает.

— Ваш ужин подан вам в покои. Наберитесь сил сегодня — доброжелательно заканчивает он — И помните, ничто не красит девушку так, как полноценный сон и чувство соб-

ственного достоинства.

Абсолютно довольный он удаляется. Когда дверь закрывается, я остаюсь одна. И впервые за день позволяю себе просто сесть. Ладно, надо подумать. Прямой путь не работает. Мне не помогли ни дипломатические переговоры, если их можно так назвать. Ни импульсивные поступки. Всё только осложнило ситуацию.

Если я хочу вылететь с этого отбора, мне нужно перестать бороться и начать... играть в эту игру. А что, если я буду именно такой, какой меня здесь хотят видеть? Влюблённой. Восторженной. Чуть наивной. Той, кто смотрит на герцога слишком долго и улыбается слишком искренне. И просто сходит с ума от обожания. Со всеми этими ахами вздохами и подгибающимися коленками. Если Кайрену это было неинтересно раньше... Может, станет неинтересно и сейчас. С этой мыслью я и засыпаю.

Меня будит резкий свет и шелест голосов. Я подпрыгиваю в кровати, натягивая одеяло до подбородка. Комната полна людей. Точнее – служанок.

— Леди Мариэт — бодро произносит старшая — Как хорошо, что вы проснулись! У нас мало времени. Господин Леонард будет недоволен, если мы не успеем.

Я судорожно вздыхаю. Хорошо, опустим момент, что проснуться мне помогли. С трудом киваю, главная служанка тут же считывает этот жест как безоговорочное согласие на

все, а не конвульсию испуганного, сонного человека и практически сдергивает меня с кровати.

— Сначала ванна — она скептически осматривает меня — Потом волосы, кожа, лицо, конечно и примерка. Хотя нет, примерку стоит пораньше сделать, иначе не успеем до вечера.

— Я... — начинаю я, собираясь пояснить что подписываться на все эти процедуры не готова и вообще лучшая подготовка — здоровый сон. Но весь мой протестный порыв гасится стремительностью дамы. Она передает меня в руки девушек и они буквально затаскивают ошеломленную меня в ванну.

Протестовать бесполезно. Я оказываюсь в горячей воде раньше, чем успеваю сформулировать аргументы. Вода обжигает кожу. Пар густо стелется вокруг.

— Не двигайтесь.

— Руки сюда.

— Голову выше.

Я чувствую себя какой-то коллекционной древней вазой, которую решили отмыть от вековой пыли. Или, на худой конец, куклой. Но уж точно не человеком. Меня натирают чем-то пахучим, сладким, липким. Кожу щиплет, мурашки бегут по спине. Я дёргаюсь — и сразу же получаю недовольное цоканье.

— Терпение, леди. Красота требует.

Чего? Крови? Нервов? Остатков самоуважения? Я только

крепче сжимаю зубы, пытаюсь получить хотя бы грамм удовольствия от этой странной процедуры в шесть рук. Изю всех сил пытаюсь представить, что я в элитном спа-салоне. Но на ум настойчиво приходят самые изощренные пытки из средневековья.

После ванны меня, естественно, не оставляют ни на секунду. Могу понять – времени в обрез. Всего лишь весь световой день впереди. Полотенце держат, но не дают в него завернуться. Волосы расчёсывают резко, без жалости. Каждый рывок отдаётся где-то под лопатками.

— Густые, — замечает кто-то. — Придётся укладывать дольше.

На два часа больше, на два часа меньше. На мой взгляд разницы никакой. Мне наносят на лицо кремы, маски, сыворотки. Холодные. Потом тёплые. Потом снова холодные.

— Не морщитесь.

— Не щурьтесь.

— Расслабьтесь.

Я почти смеюсь. Расслабиться – задача со звездочкой. Я, как заядлая троечница по теории красоты, точно с этим не справлюсь. Когда приходит очередь платья, я уже на грани. Корсет затягивают медленно, методично. С каждым вдохом воздуха становится все меньше.

— Глубже вдох.

— Выдох.

— Отлично.

Я бы с этим поспорила. Потом приходит черед макияжа и укладки волос в то время, как платье подшивают прямо на мне. Я уже совсем не соображаю кто я и где в облаках пудры и потеках местного тонального средства. Внезапно все вокруг меня замирают, видимо наконец изощренная экзекуция завершена. В поле зрения появляется та самая опытная служанка, на ее лице искренняя улыбка.

— Леди, вы настоящая красавица! — восклицает она, прихлопнув в ладоши. — Леонард будет доволен.

Я буквально давлюсь возмущением. Это точно последняя из моих целей – угодить франту Леонарду. Но в этот момент меня деликатно берут под локотки и подводят к ростовому зеркалу. Отражение в нем наглядно демонстрирует для чего были все мои страдания. Такой красоткой я не выглядела никогда, даже на своем выпускном в университете. А там я старалась изо всех сил.

Из отражения на меня смотрит совершенно очаровательная девушка. Волосы уложены мягкими волнами, в них мерцают украшения. Кожа как будто светится изнутри и вызывает непреодолимое желание прикоснуться к ней. Я это и делаю. Щеки на ощупь как самый дорогой бархат. Макияж почти незаметен – и именно поэтому безупречен. Медленно оборачиваюсь к застывшим девушкам:

— Благодарю вас за проделанный труд — в конце концов они не виноваты, что их руками происходят такие зверства — вы настоящие мастера своего дела.

Девушки ошеломлены моей похвалой и расплываются в робких улыбках.

— А это, с вашего позволения, решать мне — доносится от двери знакомый, слегка манерный голос.

В покои входит Леонард. Он останавливается на пороге, как генерал перед осмотром войск. Трость элегантно лежит под мышкой, подбородок вздернут вверх, взгляд цепко и беспощадно осматривает дело рук служанок.

Он медленно обходит меня по кругу. Я чувствую себя дорогим скакуном, которого сейчас либо похвалят, либо отправят на переподготовку.

— Поворот, — коротко командует он.

Я поворачиваюсь.

— Медленнее. Вы не на пожаре.

— Зато ощущение, что меня только что оттуда вынесли, — бурчу я.

Он игнорирует. Останавливается передо мной. Сначала слегка щурится, но через секунду его лицо озаряет довольная улыбка. Леонард поворачивается к служанкам.

— Дамы, вы просто чудесно справились! Наша леди расцвела как самый прекрасный цветок в королевском саду. — Он галантно поклонился, служанки в ответ просто засияли — Вы можете быть свободны!

Все служанки в мгновение ока выпархивают из покоев, смешливо хихикая. Мы остаемся наедине с Леонардом, он указывает рукой на кресла.

— Леди Мариэт, давайте присядем — он уютно устраивается на кресле, при этом изо всех сил стараясь не терять свою грацию, нервно поправляет шейный платок на этот раз глубокого цвета морской волны — Нам надо продумать вашу тактику поведения.

Я устраиваюсь в кресле напротив и заинтересованно смотрю на своего экскурсовода в мир невероятных любовных приключений. Откровенно говоря, тактика у меня уже имеется, но, возможно, я услышу еще что-то дельное.

— Так вот. Безусловно ваше первое появление было очень ярким и запоминающимся, но могло произвести чуть более резкое впечатление чем нам бы хотелось — Леонард нервно откашливается — Вы ведь хотите победы так же горячо как и я! — вдруг с жаром восклицает Леонард, привставая с кресла.

— Тут такое дело... — медленно начинаю я, не хочется разочаровывать этого милого карьериста.

— Бросьте, меня можете не смущаться! Мы с вами на одной стороне — отмахивается от меня Леонард, думая что причина моего замешательства скромность — Давайте сразу к делу. Вам необходимо производить верное впечатление, а оно начинается с маленьких вещей. Вот скажем взгляд.

— А что с ним?

— Он должен говорить! В вашем взгляде должно читаться ««Ах, герцог, вы солнце, вокруг которого вращается моя жалкая планета». Вот посмотрите — Леонард строит совер-

шенно умильное лицо, все что я могу прочесть по взгляду «Кажется, мне срочно нужно в уборную».

Мне с трудом удастся удержаться от смеха. Я киваю, стараясь сохранить каменное выражение лица. Человек же старается.

— Со взглядом я справлюсь, Леонард. Все-таки не в первой стрелять глазками. Думаю как и с танцами и прочим — все воспоминания Мариэт всплывают в моей голове, соответствовать местному этикету не составит труда.

— Да, безусловно вы правы — Леонард немного расслабляется — Тогда к главному. Вам нельзя быть навязчивой, но необходимо быть заметной. Также не вздумайте подходить к герцогу первой, мужчины этого не любят. Вам нужно, чтобы он сам заметил вас и имел возможность проявить инициативу.

Я глубоко задумываюсь, начиная барабанить пальцами по подлокотнику. Ну, в целом, все ясно: быть навязчивой, не давать герцогу прохода, подлететь к нему на всех порах как только увижу. Надо только здесь умудриться не нарушить этикет. Не знаю удастся ли мне это все. Я вздыхаю.

— А как мне сделать так, чтобы он заметил? Может быть упасть? — поддерживаю игру Леонадра, чтобы не дать ему заскучать.

— Ни в коем случае! — Леонард всплёскивает руками и краснеет от нервов, голос его становится чуть выше — Падение позволительно не раньше третьего бала!

— Есть регламент по количеству падений? — вот это уже очень интересно. Может быть максимально неграциозно навернуться где-то у входа — хорошая идея.

— Разумеется. Мужчина должен сначала узнать вас и очароваться вашим обаянием. А если он сразу увидит ваше падение, вдруг подумает, что вы болезная — Леонард понижает голос до заговорщического шепота — или не дай бог неловкая. Кому нужна неловкая герцогиня? Там же начнется политический фейерверк скандалов!

Я невольно хмыкаю.

— Значит, без обмороков. Что же тогда?

— Смех, леди Мариэт! — с видом знатока поднимает палец вверх Леонард — нет ничего приятнее сердцу мужчины, чем смеющаяся женщина. Желательно, смеющаяся в ответ на его остроумие.

— А если герцог не скажет ничего остроумного? — похотать это я за. В целом можно и в одиночестве хохотать у стола с закусками. Это должно сработать в нужном для меня направлении.

— Решительно невозможно! Герцог очень остроумный мужчина, приятный во всех отношениях — Леонард хлопает в ладоши — Давайте представим: герцог подходит к вам и говорит «Бал сегодня как никогда прекрасен, леди. Возможно, потому что на нем наконец присутствует такое изысканное украшение как вы».

Он смотрит на меня не моргая. Я смотрю на него. Он про-

должает сверлить меня взглядом, откровенно ожидая реакции. Я прикладываю руку к груди и запрокидываю голову в хохоте, который видела в лучших образчиках отечественных сериалов, снятых за три копейки.

— Это... — Леонард слегка теряется, пытаюсь найти слова — очень ярко, леди. Может быть на балу стоит немного приглушить энтузиазм.

Я с готовностью киваю, делая внутри для себя пометку — такой смех может быть моим билетом на волю.

— Хорошо, в общих чертах я вас поняла, Леонард. Мне нужно быть влюбленной идиоткой, но скромной.

— Нет, что вы! Очаровательной влюбленной женщиной!

— Кажется, мы говорим примерно об одном и том же. — примирительно развожу руками я.

Леонард смотрит на меня с подозрением. Кажется, в его голове начинает складываться понимание, что я не слишком-то расположена к герцогу.

— Ладно, я сделал все что мог — скорее для себя подытоживает Леонард — Пройдемте к бальному залу, нам уже пора.

Я встаю, разглаживаю юбки и на мгновение задерживаюсь у зеркала. Из отражения на меня смотрит идеальная невеста. Что ж, герцог. Сегодня ты увидишь такую влюблённость, от которой не скрыться, ни за холодной вежливостью, ни за ироничной улыбкой. Я сразу тебя. Своим оголтелым обожанием.

Глава 8. В которой я узнаю тайну Иары и стараюсь не выдать себя.

Двери бального зала были ещё закрыты, но перед ними уже выстроились полукругом нервные красавицы. После первой проверки нас осталось шесть.

Я замедляю шаг. Мне нужно мгновение, чтобы оценить диспозицию и решить, куда встать, чтобы не оказаться в эпицентре чужого яда. Мариэт никогда не пользовалась особой любовью. Несмотря на то, что она жила в Эстравии с тридцати лет, ее неизменно воспринимали как чужачку. К тому же ее непосредственное поведение и практически преследование герцога не могло остаться незамеченным. И, разумеется, не было прощено.

Леонард оставляет меня недалеко от кучки девушек и удаляется. Удивительно, но ни смотря на то, что платья на всех похожие – традиционные платья невест – кучка все равно выглядит разнородно. Наряд на каждой сидит как-то по-особенному, изящно подчеркивая сильные стороны фигуры каждой.

Традиционный наряд невесты одинаков для всех: плотный атлас цвета слоновой кости, будто слегка светящийся изнутри; высокий воротник-стойка с жемчужной вышивкой – символ чистоты намерений; узкий корсет, затянутый так, что

лёгкие существуют только по слухам; тяжёлая многослойная юбка, прошитая по подолу серебряной нитью, складывающейся в узор драконьих чешуек; длинный шлейф, обязанный волочиться величественно, а не цепляться за каждую неровность пола.

На запястьях – тонкие браслеты с герцогским гербом. Их выдали всем. Маленькое, аккуратное клеймо.

Спокойно рассматриваю девушек пока они заняты возмущенным шушуканьем между собой. Я знаю практически каждую из них.

Леди Марианна де Валье – светловолосая, с лицом фарфоровой куклы. Дочь министра финансов. У неё идеальная осанка и идеальное понимание того, что она создана для стратегического брака, а не для любви. Подбородок ее чрезмерно поднят, что выдает отношение к остальным конкурентам.

Рядом с ней – Изольда Крайн. Тёмные локоны, пухлые губы, которые она слишком часто поджигает, явно ощущая себя здесь не в своей тарелке. Изольда – последняя дочь из очень древнего рода Эстравии. К несчастью, ее дед слишком любил азартные игры и ставил на кон все, до чего могли дотянуться его руки. Некогда древний род сейчас на грани нищеты, по их меркам конечно. Изольда здесь явно для того, чтобы вернуть былое величие своей семье и немного драгоценностей в шкатулку на прикроватном столике. По зову кошелька, но не сердца.

Третья – Летиция Бомон. Очаровательная девушка, похожая на ангелочка с милыми ямочками на щеках и упругими светлыми кудряшками. Выглядит очень жизнерадостной и восторженной. Насколько мне помнится – она дочь одна из генералов монарха Эстравии. Кажется, ей действительно нравится герцог, но еще больше нравится быть первой.

В центре стоит Сюзана. Её платье сидит абсолютно идеально. Волосы, цвета дорогого шоколада, уложены мягкими волнами. Небрежность, продуманная до последнего локона. На губах – лёгкая, снисходительная улыбка. Она стоит ближе всех к дверям. Естественно. Впрочем, презрительный взгляд никуда не делся. С Марианной они лучшие подружки, сошлись на теме «все вокруг нас не достойны, одни мы в пальто стоим красивые».

А вот пятую девушку я не могу вспомнить. Это та самая мускулистая претендентка, она стоит чуть в стороне. Высокая. Плечи шире, чем у большинства здешних лордов. Руки с выраженной мускулатурой, которую не спрячешь даже под шёлком. Кожа чуть темнее, волосы собраны в простой хвост без изысков. Взгляд прямой и сосредоточенный. Мне кажется она очень красива, просто будто немного из другой временной линии. По крайней мере, соответствует другим стандартам красоты, более воинственным, наверно.

Сюзана наконец замечает меня. Её взгляд скользит по мне медленно сверху-вниз. И – о, как тонко – почти незаметно приподнимается бровь.

— Ах, — произносит она тихо, но так, чтобы слышали все. — Наша... энтузиастка.

Три фыркающих смешка тут же подхватывают Летиция, Изольда и Марианна.

— Интересно, — говорю я с самой искренней улыбкой. — Меня никто не поставил в известность, что здесь конкурс скорби.

— Цивилизованные женщины умеют держать чувства при себе, — холодно замечает Сюзана.

— Разумеется, — киваю я. — Особенно когда чувств нет. На мгновение воцаряется тишина.

— Вы так стараетесь, Мариэт, — произносит она мягче. — Это... трогательно.

— А вы так не стараетесь, — отвечаю я. — Это тоже заметно.

Три фырканыя. До достойных леди наконец дошло что мне, в общем и целом, глубоко плевать на их мнение. И вот они — почти синхронно — демонстративно отворачиваются от меня, начиная перешептываться и хихикать.

Я отступаю ближе к мускулистой девушке. Она смотрит на меня дружелюбно.

— Не обращай внимания — со скупой улыбкой говорит она — эти курицы наверно и на брачном ложе будут пытаться демонстрировать цивилизованность.

Я едва не прыскаю.

— Благодарю, — слегка кашлянув, отвечаю я. — Я Ма-

риэт.

— Иара. — слегка кивает она.

— Из какого дома, леди Иара?

— Из дома Риар. — Она пожимает плечами. — Это тебе ничего не скажет. Я из кочевого племени сааринов.

Я на секунду задумываюсь. Саарины – небольшое, но довольно воинственное племя, обитающее на границах Эстравии. Точнее воинственными они были пару веков назад, сейчас с ними установлены достаточно дружелюбные отношения. Но вот что странно. Мне припоминается, что в племени господствует матриархат.

— Разве подобный отбор невест не дикость для вашей культуры? — спрашиваю я, прежде чем успеваю прикусить язык.

— Дикость, конечно — фыркает Иара — где это видано, чтобы женщины пытались заслужить внимание мужчины. Но я здесь не за этим.

— А за... — я не успеваю закончить, перед нами появляется распорядительница.

Ровелла одета в черное строгое платье с серебряной отделкой. Она строго хлопает в ладоши

— Леди, прошу.

Мы выстраиваемся парами. Я оказываюсь слева, Иара – справа. Двери зала открываются, оглушая нас музыкой флейт и гомоном голосов. Мы движемся к противоположному концу зала, каждая по своей дуге полукруга зала.

Я прохожу мимо множества лиц. Здесь полно аристократов, которые не могли пропустить такой великолепный повод. Мне повезло — моя дуга как раз позволяет мне пройти мимо герцога. Он стоит у трона. Как всегда серьезен и обманчиво расслаблен, как хищник перед прыжком.

Я незаметно глубоко вдыхаю, изо всех стараясь собраться с силами. Замираю на долю секунды. А потом мои губы медленно разъезжаются в улыбке, намного более широкой чем это прилично в Эстравии. Смотрю прямо на герцога и изо всех сил думаю о чем-то приятном. Мое любимое фисташковое мороженное. Мммм... как же я скучаю. Сколько прекрасных вечеров мы провели вместе. Надеюсь, гастрономические изыски моего мира заставляют мои глаза сеять неподдельным светом любви.

Я отвожу взгляд — буквально на мгновение — и тут же возвращаю его обратно, словно отвести глаза от этого высокомерного солнышка выше моих сил. Лёгкий смешок, ладонь к губам.

О, я ужасна. До меня доносится возмущенно-восторженный шёпот местных сплетниц.

— Какой стыд...

— Беспардонность...

Мне абсолютно плевать. Кайрен смотрит на меня не отрываясь, сложно что-то прочитать по его лицу. Остается только уповать на то, что он полностью деморализован и уже размышляет как сообщать моим родителям об исключении ме-

ня с отбора.

Мы останавливаемся. Распорядительница становится перед нами, как вершина нашей зефирной пирамиды. Кайрен откашливается и произносит речь. Я почти не слышу, утыкаюсь глазами в пол, пытаюсь проанализировать, удалось ли мне произвести нужное впечатление и унять непонятно откуда взявшееся волнение.

Музыка торжественно начинает греметь, знаменуя начало танцев. Герцог медленно движется к нашей кучке. Я замираю, сверля его взглядом. Если он выберет меня – это катастрофа. Не чувствую в себе сил сейчас отыгрывать роль влюбленной дурочки. С другой стороны, может и к лучшему. Быстрее отстреляюсь.

Все на что меня хватает – фирменный взгляд от Леонарда. Изо всех сил пучу глаза, изображая взгляд «ты-центр моей вселенной». Пальцы нервно сжимают край юбки. На лице изображаю трепетную улыбку испуганной, но очарованной лани. Уверенна, я выгляжу примерно как олень, выскочивший на дорогу прямо перед автомобилем и застывший в свете фар.

Кайрен останавливается перед Сюзаной и с легким поклоном протягивает ей руку. Она делает идеальный реверанс. И танец герцога и фаворитки начинается. Я провожаю их взглядом, совершенно намеренно чуть дольше, чем нужно.

Потом выдыхаю. Отлично, у меня есть время на передышку.

— Пить? — раздаётся рядом знакомый грудной голос Иары.

— Непременно. — с улыбкой киваю я.

Мы направляемся к столу с напитками. Я беру бокал с жидкостью лимонного цвета и крутящимися внутри блестками. На вкус похоже на наш лимонад, может это он есть.

— Жалеешь, что не удалось станцевать первый танец? — спрашивает она.

— Ни разу, — тихо отвечаю. — Надеюсь, мне удастся простоять около этого стола весь оставшийся вечер.

Она хмыкает.

— Это лучшая часть вечера — салютует она мне бокалом и вдруг глаза ее расширяются. Я понимаю, что к нам приближается кто-то.

Я резко оборачиваюсь и вижу как брат герцога – Тирен – очень целеустремлённо идет к нам. И чем ближе он становится, тем быстрее меняются цвета на лице Иары. Сначала она бледнеет, потом начинает краснеть, потом ее кожа снова начинает склоняться к белому цвету. Светомузыка какая-то, клянусь богами.

Тирен подходит совсем близко и кивает каждой.

— Леди, — он склоняется ко мне. — Подарите ли вы мне танец?

Иара рядом забыла как дышать.

— Простите, милорд, — я улыбаюсь вежливо. — Моё сердце сегодня... крайне избирательно. Может вам стоит

пригласить леди Иару?

Ну действительно, как влюбленная дурочка может танцевать с кем-то еще. Буду наслаждаться закусками и напитками, если герцог не изволит обратить на меня внимание.

— О? — его бровь приподнимается.

Где-то рядом раздается панический всхлип. Он на секунду переводит взгляд на неё.

— Леди Иара, вы прекрасны сегодня. Но, боюсь в другой раз.

И исчезает в толпе. Я поворачиваюсь к Иаре. Ее кожа медленно начинает возвращаться к нормальному цвету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.